

Характерен самый язык этой повести.⁶ Вот несколько примеров. Крестьянская девушка Лиза: «Ах, нет, матушка! Я этого не думаю». Старая крестьянка: «Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет»; «не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер». Лиза Эрсту: «Без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен»; «Видеть тебя есть великое благополучие для всякого»; «Жестокый человек! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое». Она же: «О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную! Нет! небо не падает; земля не колеблется. Горе мне!». Эрст выпил поданный Лизой стакан молока — «и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее». Еще: «Мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна». Еще: «Рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запели; цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами солнца»; еще о Лизе: «Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стенаниями».

Карамзин охотно включает в свою сентиментальную повесть пастораль-миниатюру: когда «молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели», Лиза думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: Здравствуй, любезный пастушок! куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих; и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей» и т. д. Эрст — «...восхищался своей пастушкой — так называл Лизу».

И Лиза, и ее шестидесятилетняя мать часто произносят лирические монологи. Нередко эти монологи начинаются междометием «Ах!» — тем междометием, от которого потом образована критиками ироническая фамилия Ахалкин.

Сам автор не уступает своим героиням в лиризме и патетике. Вот для примера: сообщив читателям, что Эрст выпроводил Лизу из кабинета при содействии слуги, Карамзин продолжает: «Сердце мое обливается кровию в сию минуту. Я забываю человека в Эрсте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! для чего пишу не роман, а печальную быль?»

⁶ Повесть цитируется по изданию: Русская проза XVIII века, т. II. Ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко, Гослитиздат, Л., 1950.